

ИНАЧЕ ЗАЧЕМ ГОСУДАРСТВО?!

Я не пророк. Но верю, что смерть — наш удел. Однако она не удел армянской нации. Корни наши глубоки. Ветви дерева обламывают, плоды расхищают, листва срывается ветром. Даже ствол пытаются распилить. Но к корням подступиться не могут. Слишком они глубоки...

Гарегин I Овсепян

В 1972 году на Камчатке я получил письмо от весьма знаменитого автора не менее знаменитой «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого. Я тогда готовил многомесячное путешествие на собачьих и оленьих упряжках по Камчатской и Чукотской тундре до берегов Ледовитого океана. О предстоящем походе в «Литературной газете» был опубликован пространный очерк под названием «Последний выстрел». Речь шла чуть ли не в буквальном смысле слова о последнем выстреле в гражданской войне, который прозвучал где-то на берегах Ледовитого океана или на Чукотском берегу Баренцова моря зимой 1923 года. Мне в руки попались уникальные архивные данные о боях того времени. Прочитав очерк в «Литературной газете», Борис Николаевич прислал мне письмо с предложением напечатать путевые заметки в «Юности».

Только журналисты и писатели, особенно того времени, могли представить себе наличие соблазна быть опубликованным в «Юности», да еще у самого Бориса Полевого. Журнал этот не только был фантастически популярным, но и имел баснословный тираж. Четыре миллиона экземпляров. Радости и печали не было предела. Радости — от факта самого предложения, печали (относительной) — потому, что у меня уже была договоренность с «Комсомольской правдой», с которой были давнишние творческие контакты, мало того, я был лауреатом этой тоже фантастически популярной молодежной газеты с ее... восемнадцатимиллионным тиражом. Была договоренность о том, что в соавторстве с участником похода Никитой Михалковым будем оперативно давать репортажи прямо с пути. Поход на четырех упряжках начался в октябре 1972 и завершился в марте 1973 года. «Комсомолка» регулярно печатала

наши путевые заметки. Однако переживал по поводу того, что с «Юностью» у меня не получилось действенной дружбы. И все же письмо Бориса Полевого стало началом своеобразной дружбы с самим редактором. Еще до похода летом и осенью семьдесят второго я часто встречался с ним. Встречи продолжались и после путешествия. Он прислал письмо, в котором выразил сожаление по поводу того, что «заметки» не представляется возможным опубликовать в «Юности», так как «костяк» их увидел свет не где-нибудь, а в самой «Комсомолке».

Захаживал я в «Юность» к Борису Николаевичу и после того, как переехал на материк и обосновался в Армении, которую представлял в «Литературной газете». В начале восьмидесятого года во время очередного визита я подарил Борису Полевому только что вышедшую в Москве книгу «Белый марафон» о том самом многомесечном переходе на Крайнем Севере.

Через неделю позвонили из «Литературной газеты» и сообщили, что меня спрашивает редактор «Юности». Вскоре мы встретились с ним в его кабинете. Оказалось, он успел прочитать «Белый марафон» и обратил внимание на судьбу человека, о котором написана целая глава в книге. Речь шла о хлебопекке по имени Баграат, который впервые на севере полуострова, в поселке Седанка, испек хлеб. И так как у аборигенов не было даже такого понятия, как хлеб, вот и назвали его именем пекаря — баграатом. Маститый писатель рекомендовал мне написать «нечто большее», имея в виду повесть или роман, учитывая, что сама судьба «этого армянина», его образ и самый тот факт, что именем живого человека люди называли святая святых — «хлеб», который в России именуется не иначе как «всему голова». Словом, все это и многое другое «тянет на большое полотно». Так выразился Борис Николаевич, он был удивлен, что я успел уже опубликовать в газете «Авангард» очерк о Баграате, потом — повесть в журналах «Литературная Армения» и «Советакан граканутюн». После выхода повести отдельной книгой в Ереване в газетных рецензиях жанр определили как роман. Сказал я Полевому и о том, что книга в Армении вышла под названием «Боль», и что она готовится к печати в издательстве «Советский писатель». Признался и в том, что в Москве и редактор, и издатель настоятельно рекомендовали назвать книгу «Хлеб». И я согласился.

В тот день я чувствовал, что встреча та, возможно, окажется последней: Борис Николаевич выглядел усталым, осунувшимся. Лицо его было не то что бледным, скорее землистым. Лишь

потом я узнал, что он тяжело болен и на работу приходит лишь время от времени. И вот в этой тяжелой для себя ситуации он вдруг решил поговорить со мной на тему о том, как это важно, чтобы человек всем своим существом, всей своей, выражаясь его словами, «индивидуальной философией» поднимал авторитет собственного народа, олицетворяя собой образ нации. «Во всей этой истории, — говорил Борис Николаевич, — для меня самое за душу хватающее было то, что старик Багра́т знал: имя его автоматически ассоциируется с Арменией; что люди из уважения к нему хлеб называли его именем, и часто в поселке можно было услышать привычное: «Багра́т сегодня вкусный», «Багра́т очень свежий». И вот, зная обо всем этом, он с трепетом в сердце всю жизнь, выпекая хлеб, думал лишь о том, чтобы он всегда был и впрямь вкусным. Иначе — позор не только для него. Это же так важно — всю жизнь думать о чести и достоинстве своего народа, своего долга».

Увы, медицинский прогноз мой оправдался. Вскоре умер этот не только талантливый писатель, но и талантливый человек, который считал, что в годы лихолетья литератор должен стать летописцем. В искренности этих слов я убедился, читая в конце шестидесятых его дневники военных лет и книгу о Нюрнбергском процессе. Та наша последняя встреча оставила у меня глубокое впечатление, ибо именно с тех пор я всегда с каким-то волнением относился ко всем, кто не только своим талантом, но и своим поведением поднимал авторитет и нравственную планку нашего народа. Равно как и не менее выраженную ненависть, боль и досаду чувствовал к тем, кто, находясь за пределами родины, принижал достоинство страны.

Вспомним хотя бы, какое гордое ликование царило у нас, когда мир узнал о спортивном и моральном подвиге Шаварша Карапетяна, и с каким омерзением восприняли информацию о том, как некий ублюдок с армянской фамилией обдал кислотой лицо девушки (звание победительницы конкурса красоты еще больше усугубило трагедию). Разумеется, подвиги еще более величественные и преступления еще более чудовищные совершают представители разных народов, разных народностей. Жизнь есть жизнь, и в жизни всякое бывает. Однако тема эта в последнее время, по моим наблюдениям, волнует многих и многих наших соотечественников. Речь о том, что именно в последнее время довольно часто, то тут, то там, происходят чрезвычайные происшествия, в которых в той или иной степени бывают замешаны армяне. В разных странах СНГ и в первую очередь в Рос-

сии появляются некие преступные группировки, в которые, как мы узнаем из средств массовой информации, вовлечены армяне. Некоторые не без «гордости» считают, что растет число так называемых воров в законе.

Словом, есть проблема, на которую, надо признаться честно, мы все, в том числе, конечно, и само Армянское государство, закрываем глаза, полагая, по-видимому, что нас должно волновать только то, что происходит внутри самой страны. Кстати, что касается «внутри страны» — это отдельный разговор. И разговор серьезный. Ибо на фоне политического раскола общества, на фоне буксующей судебной реформы, которая привела, по сути, к бесконтрольному беспределу, нетрудно догадаться, почему, кроме прочего, растет ненависть не только к властям, но и друг к другу. Так что разговор и впрямь должен быть серьезным и, главное, действенным. А пока порассуждаем о проблеме все нарастающих темпов падения имиджа, авторитета, моральной планки нашего народа за рубежом. И о том, что ключ решения этой проблемы находится в Армении, внутри страны, в Ереване, в руках у членов правительства, у депутатов парламента, у президента, у интеллигенции, у каждого из нас.

Мы не можем, к примеру, равнодушно и пассивно констатировать тот факт, что лет десять-пятнадцать назад в тюрьмах Лос-Анджелеса находилось всего лишь несколько армян, в 1996 году — четыре тысячи, сегодня — около восьми тысяч наших соотечественников, в том числе женщины, юноши и девушки. В десятках городов Российской Федерации наши земляки, внедрившись в сомнительные, если не сказать воровские, группы, занимаются так называемыми разборками. И сегодня перевозка в Армению цинковых гробов (груз-200) стала таким же частым явлением, как во время афганской войны. То и дело можно увидеть не только на экранах местного телевидения, но и в Дальнем и Ближнем зарубежье армян, которые с неслыханным примитивизмом позорят собственный народ.

Неужели мы молчим, ничего не предпринимаем, только потому, что надеемся на колоссальный «запас прочности», накопленный на протяжении тысячелетий исторического авторитета? Конечно, можно успокоить себя тем, что, скажем, Рокуэлл Кент писал об Армении и армянах: «Поражаешься, что в таком небольшом уголке мира можно встретить такие памятники и таких людей, которые могут явиться украшением и гордостью всего мира». Даже тогда, когда мы лишились государственности, ни на йоту не теряли ни своей самобытности,

ни своего национального образа. Крупнейший востоковед Элизабет Бауэр утверждает, что «предводителями византийской армии на протяжении нескольких веков были исключительно армяне». Магда Нейман перечисляет несколько десятков крупнейших ученых-арменоведов, которые поразились тому факту, что народ, лишенный государственности, переживший погромы, резню, разорения, продолжал вносить свой вклад в мировую культуру: «Обширная литература армян с языком, не уступающим по совершенству форм и лексико-графическому богатству греческому и латинскому, не могла не обратить на себя внимание европейских ученых, которые давно стали изучать и переводить ее на разные языки».

Поистине само армянское государство и чувство государственности всегда жили в каждом армянине, который творил шедевры поэзии и архитектуры и жил, строго соблюдая традиции, обычаи, обряды своего народа. В капитальной монографии «Памятники армянского права» автор, Рубен Авакян, приводит источник, согласно которому Армении еще древние называли страной «святых обрядов» и «мудрых обычаев», легших в основу многочисленных армянских судебных кодексов и своеобразных конституций. А ведь без них не сохранился бы наш народ таким, каким он был во все времена, — светлым и чистым.

И вдруг, обретя независимость, имея гимн, герб, флаг, все институты государства и государственности, мы с преступной беспечностью смотрим на то, как меняется на глазах образ армянина. Спюрк, в том числе и армянские общины в России, мы воспринимаем слишком уж примитивно-утилитарно в образе только эдакого единичного инвестора-спонсора. А между тем речь идет об одном и том же армянском народе со всеми своими прослойками, со всеми своими достоинствами и недостатками. С осознанием того, что спюрк — это не только наша общая боль, но и наша общая гордость. И что каждый армянин, где бы он ни находился и как бы ни трактовался его конституционный статус, является гражданином нашей общей Армении, за авторитет которой отвечает в первую очередь само государство. А иначе зачем же оно? Меня часто успокаивают, что подобная ситуация, точнее, беда наблюдается (еще и похлеще) во всех бывших республиках СССР, но такой подход к проблеме меня не устраивает. Поэтому и пишу.